

УДК 355.425.4 «1941/1942» (477.75)
DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-2-203-213

СТАНОВЛЕНИЕ КРЫМСКОГО ПОДПОЛЬЯ В КОНЦЕ 1941 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1942 ГОДА

Ткаченко С. Н.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Российская Федерация
E-mail: tkachenk0serg@yandex.ru*

Подпольная борьба советских патриотов в годы оккупации Крыма (1941 – 1944 гг.), несмотря на определенный круг исследований, тем не менее крайне слабо изучена историками. Особое место в этом имеет выяснение процесса становления и развертывания подполья в начальный период, сложные взаимоотношения с местным населением и различными структурами партизан и органов государственной безопасности. Рассмотрены основные мероприятия по подготовке подпольной борьбы, причины упущений и достижений, а в итоге – развертывания деятельности подпольщиков только к середине 1942 года. Отмечена связь подполья с партизанской разведкой, деятельность агентурного аппарата госбезопасности Крыма. В целом, несмотря на указанные в статье недостатки, благодаря целенаправленной деятельности организаторов в партизанском лесу, крымское подполье в первой половине 1942 года стало важным компонентом движения сопротивления на полуострове.

Ключевые слова: подполье, группы, подпольщики, Крым, оккупанты, партийные органы, государственная безопасность, организация.

История подпольного и партизанского движения в Крыму изучается фактически с первого послевоенного десятилетия, однако многие проблемы остаются пока вне внимания историков. Это относится к процессу становления партийных подпольных организаций и групп советских патриотов. В советский период историографии делался акцент на партийном руководстве подпольем, совершенно не рассматривались упущения и недостатки этого процесса. Например, в отечественной и зарубежной историографии не обнаружено ни одного исследования по этой теме, основанного на исторических методах. Даже обобщающие работы по истории крымского партизанского и подпольного движения, вышедшие в разное время [1; 13; 15; 20], мало уделяют внимания проблематике начального периода, кроме фрагментарных упоминаний [21, с. 57, 61–63]. Однако этот процесс очень важен во всей истории сопротивления. В определенном смысле он связан со многими другими явлениями того времени – партизанской борьбой, деятельностью органов государственной безопасности, отношением местного населения, действиями оккупантов.

Первые месяцы оккупации Крыма (ноябрь – декабрь 1941 г.) стали для подпольщиков очень сложными. Крымский обком, горкомы и райкомы партии вели отбор людей для партийного подполья и партизанских отрядов, организовали закладку для них материальных баз, складов оружия, боеприпасов. 4 июля 1941 г. на совещании секретарей горкомов и райкомов партии в Крымском обкоме (ОК ВКП(б)) были обсуждены и намечены конкретные мероприятия по подготовке к

народной борьбе в тылу врага. При личном участии членов бюро обкома партии в каждом городе и районном центре были проведены инструктажи подпольщиков, подбирались конспиративные квартиры, установлены пароли и явки. Многие из будущих подпольщиков переводились в другие районы, где их никто не знал, снабжались «положительными» (для оккупантов) документами. Но ошибки, допущенные партийными органами при формировании партизанских отрядов на Крымском полуострове: отсутствие единого руководящего центра на первоначальном этапе подготовки, формальный подход к подбору кадров на местах, непродуманность и запоздалость решений – были общими и при организации здесь подполья. К 22 июля 1941 г. обком располагал проектом материалов инструктивного характера под грифом «совершенно секретно», в котором были детально определены структура подпольных организаций, их задачи, принципы и способы связи, а также содержались рекомендации по подбору руководящих кадров и рядового состава [2, л. 1–14].

Предполагалось создание городских, выполняющих роль центра, и сельских (районных) организаций. Городскую организацию должно было возглавить бюро комитета штаба в составе секретаря, который назначался высшей инстанцией, и двух его заместителей. Организация разбивается на «тройки» и «пятёрки», общее направление их деятельности определяет секретарь. Он же ведал распределением денежных средств, оружия, боеприпасов, обеспечивает связь с вышестоящей и сельскими (районными) организациями. Первый заместитель секретаря непосредственно руководит работой комитета – штаба из членов организации, ответственных за проведение агитации среди населения, организацию различных форм бойкота, саботажа и забастовок, развёртывание массового партизанского движения, совершение диверсий на военных и жизненно важных объектах. Второй заместитель секретаря – по «технике» и контрразведке – руководит «тройками» и «пятёрками», которые занимаются печатанием и транспортировкой литературы: добычей оружия, боеприпасов и фиктивных документов; контрразведкой и разведкой – в первую очередь для партизанских отрядов. Особенности сельской организации заключались в том, что её руководитель – секретарь находится при партизанско-диверсионном отряде, командует им или является военкомом. Его заместитель – дублёр руководит на месте членами организаций, поддерживает связь с партизанским отрядом, информирует его и пополняет состав. Второй заместитель отвечает за проведение агитмассовой работы среди населения, выявление и уничтожение предателей; поддерживает связь с районным (городским) центром, самостоятельно организует диверсионные акты и акты саботажа (в том числе помогает прятать хлебные запасы и скот). А главное – и это было важно в качестве рекомендаций на подготовительном этапе – в проекте содержалась подробная характеристика основных категорий граждан с указанием профессиональных и личных качеств, необходимых для работы в подполье, а также определялись требования, предъявляемые к организации системы паролей, явок, явочных пунктов и конспиративных квартир. Проект должен был послужить руководством к практическим действиям по подбору кандидатур и созданию нелегальных организаций на местах. Однако (если судить по результатам готовности подполья к

работе в тылу врага), вряд ли положения проекта были изучены, проработаны и применены на практике теми, на кого была возложена задача подготовки подполья: секретари городских и районных комитетов партии были и так загружены решением многочисленных проблем, непосредственно связанных с выполнением своих должностных обязанностей.

Работа же, проведённая горкомами и райкомами, как и в деле формирования партизанских отрядов, свелась, по сути, только к количественной стороне: составлению списков лиц, направляемых на нелегальную работу, причём при полном непонимании специфики деятельности подпольных организаций на оккупированной территории. Почти повсеместно выбор пал на тех, кто активно проявил себя в работе в партийных и советских органах, низовых парторганизациях. На ответственную подпольную работу выдвигались соответственно такие же «ответственные» товарищи. Но не все согласившиеся были готовы психологически к трудностям и особенностям подпольной борьбы – из 184 планировавшихся в подполье осталось не более 50 человек – организаторов [4, л. 22–30].

Орган руководства подпольем – Крымский областной партийный центр (И. А. Козлов (руководитель), В. С. Колесниченко, Е. В. Ефимов, технические помощники – Л. Н. Боруц с дочерью Клерой) находился в 1941 году в Керчи. Было явно неудачно выбрано место пребывания подпольного обкома, удаленное от большинства районов Крымского полуострова, что затрудняло связь с подпольщиками. Обком проявил недопустимую медлительность в решении вопросов обеспечения материально-технической и кадровой базы подполья, и это при том, что само решение о создании подпольного областного партийного комитета было принято с большим опозданием. По вине Керченского горкома не были обеспечены жильём и сами члены областного подпольного комитета ВКП(б). После долгих самостоятельных поисков подпольщикам удалось снять по одной комнате в частных домах, но с самого начала были нарушены элементарные нормы конспирации [11, с. 25].

Предполагалось, что И. А. Козлов совместно с начальником партизанских отрядов Керченского полуострова И. Пахомовым возглавит и руководство партизанами. Связь с Пахомовым Козлов установил только 4 ноября. Было принято решение ввиду отсутствия необходимого помещения подпольную типографию переправить в отряд им. Ленина; связь держать по радиоприёмнику, который вместе с батареями Пахомов должен был получить у начальника керченского горотдела НКВД Хваткова, и через связных. Колесниченко и Пахомов должны были наметить совместный план диверсионных действий. 14 ноября Пахомов сообщил адрес явочной квартиры в пос. Аджимушкай и пароль для связи, но, как выяснилось в дальнейшем, связной стал на путь сотрудничества с немцами и был назначен в посёлке помощником старосты; явка была провалена, и только по счастливой случайности связные подпольного комитета не были захвачены немецкими карательными службами [11, с. 53–54]. Ни Пахомов, ни Козлов не имели связи с общекрымским Штабом Главного Руководства партизанским движением (ШГР). Занимавшийся вопросами подготовки подполья первый секретарь обкома В. С. Булатов 1 ноября выехал в Севастополь, связь с ним прервалась, а приехавший

в Керчь работник обкома Б. Лещинер прояснить ситуацию относительно организации подполья в других городах и районах Крыма не смог ввиду отсутствия какой-либо информации. Не были получены обещанные радиостанция, оружие и взрывчатые вещества, а также не прибыли наборщик, гравёр, радист; пришлось наборщика искать на месте. Успели из центра только передать 500 тысяч рублей [11, с. 31–32, 36].

Подпольный партийный центр, задачей которого было определено руководство партийными организациями ВКП(б) Крыма, оказался в полной изоляции в незнакомом городе, не имея надёжных людей ни в самой Керчи, ни за её пределами. В результате влияние центра не успело распространиться в полной мере даже на Керчь. Как написал об этом И. А. Козлов в отчете: «Все, что мы делали за этот короткий период господства немцев в Керчи, являлось лишь подготовкой к серьезной работе в тылу врага» [6, л. 10]. Ни о каком «руководстве» партизанскими силами из подполья не могло быть и речи, наоборот, подполье само остро нуждалось в управлении, моральной и даже материальной поддержке со стороны активно действовавшего партизанского движения. А после освобождения Керчи 30 декабря в результате Керченско-Феодосийской десантной операции подпольный обком вообще был легализован, фактически просуществовав только два месяца.

В результате такой работы многие из отобранных в подполье вообще оказались предоставленными самим себе. Ошибочным было оставление в подполье одиночек - организаторов. Провал организатора (а провалы, особенно в первое время, были часты) оставлял подпольщиков без руководства и связей. Особенно пагубно сказывалось отсутствие опыта конспирации. Необходимо также отметить профессиональные действия органов контрразведки оккупантов и их карательных подразделений. Специалисты из СД для обеспечения войсковых операций против партизан и подполья с помощью сведений, полученных от довоенной агентуры, спешно создававшейся осведомительной сети, а также от перебежчиков и многочисленных дезертиров из партизанских отрядов, отказавшихся от подпольной деятельности организаторов, подготовили всю необходимую информацию о возможном подполье и процессе саботажа [6, л. 12]. В рамках обеспечения безопасности органы СД провели тщательную поголовную фильтрацию населения, в ходе которой с помощью бирж труда и силовых структур выявили и изолировали лиц, прописанных в населенных пунктах Крыма после 22 июня 1941 г. (как возможную агентуру партийного подполья и НКВД Крыма), остатки советского и партийного актива, военнослужащих, скрывавшихся в населенных пунктах, а также лиц, сочувствующих советской власти, и вообще всех подозрительных и неустановленных лиц. С помощью террора и шантажа была нейтрализована основная масса малоквалифицированной агентуры, оставленной ОК ВКП(б) и НКВД Крыма. Деятельность оккупационных структур против подпольщиков является предметом отдельного исследования.

В марте 1943 г. в своей докладной записке уполномоченный обкома по подполью И. Г. Генев писал: «Вся наша беда заключалась в том, что в первые дни прихода оккупантов у нас в Крыму не оказалось единого руководящего партийного центра... и дело от этого в значительной мере пострадало. К тому же никаких

руководящих работников обкома, Совнаркома или известных в Крыму работников, особенно татарских, не оставлено для работы в подполье... Оставленный же областной подпольный партийный комитет во главе с Козловым, к сожалению, с нами связи не имел и о его работе нам ничего не было известно» [3, л. 6.]. Но, несмотря на трудности и ошибки первого периода, к началу 1942 г. в Крыму развернули деятельность 33 подпольные группы и организации, объединившие около 400 патриотов (по учетным документам архива Крыма) [12, с. 184].

Но и в начале 1942 года непросто обстояло дело с организацией подполья. Не дождавшись руководящих указаний от ОК ВКП(б) и НКВД Крымской АССР по вопросам подполья и не зная ничего о деятельности оказавшегося в Керчи подпольного партийного центра, партизаны были вынуждены действовать самостоятельно, имея весьма смутное представление о масштабах и реальном состоянии дел в патриотическом подполье. Руководство подпольной борьбой взяло на себя командование партизанскими силами Крыма (командующий А. В. Мокроусов и комиссар С. В. Мартынов). В своих воспоминаниях комиссар Штаба Главного руководства партизан Крыма С. В. Мартынов пишет: «Учитывая все эти обстоятельства (рост подпольных групп, активизация их борьбы), командование решило взять на себя выполнение задач по руководству подпольным движением и его дальнейшему развертыванию. В начале февраля или марта было небольшое совещание (Мокроусов, Мартынов, Генов), на котором было решено отозвать т. Генова с командования партизанским районом, утвердив его заместителем комиссара партизанского движения Крыма по подпольным делам. Решено было подобрать районных уполномоченных с помощниками по вопросам подпольной работы. Подбирались районные уполномоченные и их помощники из состава партизанских отрядов, товарищи, зарекомендовавшие себя самоотверженными борцами в боевых партизанских делах, преданными делу нашей партии, советского народа» [21, с. 66].

В тех условиях пришлось в кратчайшие сроки принять меры к установлению связей с партийным подпольем и попытаться ввести его деятельность в организационные рамки. Было решено воссоздать подполье за счет руководителей, подготовленных в партизанских формированиях, а также многочисленных одиночек и небольших групп советских патриотов, самостоятельно возникших в населенных пунктах полуострова и по велению долга, на свой страх и риск, начавших бескомпромиссную борьбу с оккупантами и их ненавистными пособниками. Подпольные организации должны были состоять из групп численностью 3–5 человек, старшие групп, соблюдая строжайшую конспирацию, – подчиняться руководителям – районным партийным уполномоченным (и знать только их!), подготовленным в партизанском лесу, утвержденным ШГР и направленным на оседание в различные города и села Крыма. При этом оседание райпартуполномоченных в условиях жесточайшего оккупационного режима было связано с большими трудностями и могло быть осуществлено только с помощью близких родственников, надежных друзей и знакомых или сознательных жителей, сочувствующих советской власти.

Руководить этим непростым делом было поручено начальнику связи ШГР И. Г. Генову, имевшему богатый опыт нелегальной работы в тылу врага в годы Гражданской войны. В ходе подробных бесед с руководством партизанского движения 6–13 апреля 1942 г. Генов дал согласие [9, л. 51–56].

С 20 апреля Генов с помощью особого отдела НКВД ШГР приступил к подбору районных партуполномоченных и обеспечению их соответствующими документами, инструкциями, одеждой, продовольствием и денежными средствами. Под руководством комиссарского аппарата ШГР, И. Г. Геновым было подготовлено и в течение апреля ноября 1942 г. отправлено в районы и города 34 уполномоченных обкома по организации подполья, а до конца апреля из всех партизанских отрядов отправлено по два человека для подпольной работы [10, с. 248, 255]. Среди них были коммунисты, которые впоследствии создали разветвленные подпольные организации, вплоть до подпольных райкомов: И. С. Дьяченко, В. С. Чумасов, Н. А. Ханин, В. И. Бугаев и другие. Своих организаторов (П. Т. Очигов, В. С. Ключе и др.) готовили и органы госбезопасности, чьи представители находились в партизанских формированиях. Был взят курс на создание групп советских патриотов (ГСП), а не строго партийных подпольных организаций [4, л. 35].

В начале лета 1942 г. Мокроусов и Мартынов радиограммой сообщили В. С. Булатову предпринятые меры по реанимации подполья и попросили предоставить кандидатуры уполномоченных и решить вопрос о составе бюро подпольного центра. Райуполномоченные должны сосредоточить свое внимание на решении следующих задач: *«а) в области организационной работы – создание групп советских патриотов – и партизанских групп; б) в области агитационно-массовой, работы – пропаганда и агитация за выполнение лозунгов нашей партии, распространение советской печати агитация за срыв мероприятий противника, уничтожение и всемерное препятствование распространению вражеской литературы; в) проведение разведывательной работы; г) особая задача – изучение кадров противника из административно-управленческого и полицейского аппарата и их актива»* [21, с. 72]. Уполномоченными только в степных районах, представлявших особый интерес для фронтового и партизанского командования, было создано 37 подпольных патриотических групп, насчитывавших 126 человек и проводящих работу в 72 населенных пунктах. Всего к лету 1942 г. в Крыму активно действовали 63 подпольные группы и организации, в рядах которых насчитывалось около 600 патриотов [14, с. 200, 201, 203, 209].

Вот, например, как действовал райуполномоченный И. С. Дьяченко («товарищ Владимир») [8, л. 1–11]. Иван Сергеевич до войны работал председателем Сейтлерского районного исполнительного комитета, хорошо знал колхозный и партийный актив своего и Ичкинского районов, поэтому в июне 1942 г., несмотря на отсутствие документов, смог с помощью надежных друзей найти приют, глубоко законспирироваться и развернуть работу в подполье. В июне 1942 года Дьяченко создал четыре подпольные группы в деревнях Желябовка, Емельяновка, Кулички Сейтлерского района. Через месяц у него уже было 15 помощников, при содействии которых он смог охватить своим влиянием восемь населенных пунктов: Сейтлер,

Желябовку, Бешарань, Ново-Ивановку, Старый и Новый Керлеут и Бурнаш, причем староста последнего села был его наиболее активным помощником (по его решению, например, в сельских общинах удалось разделить урожай «на корню», что позволило скрыть значительную часть от немецких заготовителей). С 5 июля 1942 г. «Владимир» в результате нескольких провалов потерял связь с лесом, и только 9 ноября до него с большими трудностями добрался представитель подпольного обкома, в связи с чем «Владимир» решился на личный контакт с секретарями обкома в партизанской зоне П. Р. Ямпольским и М. Мустафаевым и пришел в лес 29 ноября 1942 г.

Подпольные группы были созданы в Ново-Ивановке, Родниках, Бурнаше, Гослесопитомнике, Керлеуте, Ахтырке, Дмитровке, в бывшем совхозе «Тамак». В августе – сентябре 1942 года в районе действовало 12 подпольных групп. Они охватывали своим влиянием до 40 населенных пунктов района. Подпольщики собирали для партизан сведения на железной дороге Джанкой – Керчь, распространяли листовки [7, л. 3]. Под руководством И. С. Дьяченко они нашли способ срыва продовольственных заготовок захватчиков. Через своих людей в оккупационных учреждениях они убедили комендатуру в целесообразности уборки урожая не общинами (колхозы гитлеровцы превратили в так называемые общины, где был введен принудительный труд; это, по расчетам захватчиков, давало возможность более эффективно эксплуатировать крупные земельные массивы и бесплатный коллективный труд крестьян, облегчало реквизиции продовольствия), а десятидворками. Хозяева каждых десяти дворов сами убирали и обмолачивали хлеб, который сразу же развозили по домам и прятали. В результате оккупантам доставалось только то, что оказывалось в общинных амбарах. В письме И. С. Дьяченко из штаба крымских партизан говорилось: «Твои мероприятия по земельному вопросу, т. е. организация групповой системы работы по десятидворкам и развал общины, полностью одобрены со стороны Большой земли» [21, с. 68]. Усилилась связь подпольщиков с населением. Главным средством ее были листовки. Часто они печатались в виде коротких призывов: «Долой гитлеровский "новый порядок"!», «Смерть немецким оккупантам!», «Товарищи, все на битву с захватчиками!», «Да здравствует Советский Крым!» [21, с. 68]. В апреле 1942 года оккупанты начали массовый угон молодежи на работу в Германию. В начале этому придавалась видимость добровольности. В Сейтлерском районе оккупанты несколько раз устанавливали задания по отправке людей в Германию. Два раза, когда подпольные организации были еще слабы, оккупантам удалось обеспечить выполнение этих заданий. В третий раз было назначено отправить в Германию 800 человек. Подпольщики помогли подлежащим отправке молодым людям спрятаться, многие из них были обеспечены справками о болезнях. В итоге в Германию было угнано только 200 человек. В четвертый раз оккупанты намеревались угнать 400 человек, а отправлено было лишь 9 человек [7, л. 14].

Однако в работе подполья Сейтлерского района не обошлось без сложностей, и связаны они с разногласиями во взаимоотношениях руководителей подполья И. С. Дьяченко и В. С. Ключе (последняя, завербованная и посланная сотрудником

НКВД Г. А. Фельдманом, была сторонницей террора и диверсий, тогда как Дьяченко был за расширение агитационно-массовой работы, саботажа и разведки).

Кроме организации подполья и подготовки будущих подпольщиков, И. Г. Генов участвовал в организации разведывательной деятельности самих партизан и установлении связи с местным подпольем, созданием через разведчиков новых групп. Наиболее ярко это продемонстрировали дальние разведки в апреле 1942 г. [19, с. 125–133; 10, с. 194–196, 198]. В течение марта ШГР регулярно радиogramмами передавал в разведотдел штаба Крымского фронта данные, добытые войсковыми и агентурными разведчиками в границах II-го и доставленные из I-го, III-го и IV-го партизанских районов. В конце марта начальник разведотдела Крымского фронта бригадный комиссар В. М. Капалкин радиogramмой поставил задачу: установить расположение в Ичкинском и Кировском районах наличие полевых аэродромов, типы и количество самолетов, базирующихся на них, и скрытые подходы для действий войсковых диверсионно-разведывательных групп [18, л. 935]. Выбор командования пал на разведчиков Ичкинского отряда В. С. Чумасова и В. М. Кудрявцева и для связи с ними – И. С. Шакуна и Ф. И. Ремеза, жителей Ичкинского района, хорошо знавших местность. Генов провел с ними несколько инструктивных занятий и дополнительно поставил частные задачи: установить связь с действующим подпольем, с его помощью организовать в селах патриотические подпольные группы, нацелить их на организацию диверсий на коммуникациях оккупантов, ликвидацию предателей, а также договориться об организации устойчивой связи с партизанами. Чумасов и Кудрявцев в течение десяти суток должны были действовать самостоятельно, сведения по первой части задания сообщить через связного к исходу пятых суток похода, а о выполнении всего объема задач – доложить по возвращении в партизанский лес к концу апреля. 8 апреля И. Г. Генов лично проводил разведчиков до лесных опушек [10, с. 195].

Действуя в условиях жесткого оккупационного режима и подвергаясь постоянной опасности, Чумасов и Кудрявцев побывали во многих населенных пунктах, укрываясь у близких и знакомых местных жителей. Добытые данные после встречи 15 апреля в условленном месте со связным И. С. Шакуном были доставлены в штаб II-го партизанского района и немедленно переданы Капалкину. Фронтаяв авиация нанесла несколько удачных бомбово-штурмовых ударов по разведанным объектам [17, л. 1008–1009; 18, л. 955–957]. Но эта точечная бомбардировка насторожила противника, и последовало дополнительное ужесточение полицейских мер.

Несмотря на усложнение обстановки, Чумасов и Кудрявцев выполнили задачи, поставленные Геновым, провели вторую встречу со связным Ф. Ремезом и 26 апреля благополучно возвратились на гору Среднюю (карасубазарские леса). В результате их деятельности в Ичкинском районе стали действовать пять подпольных патриотических групп, приступивших к проведению диверсий и уничтожению пособников оккупантов. В последующие месяцы на связь с подпольщиками регулярно уходили группы связи, а добытые разведанные передавались и даже после катастрофы Крымского фронта на адрес разведотдела

уже Северо-Кавказского фронта. В том же Ичкинском районе до самого конца оккупации довольно эффективно действовало подполье, которое в основном так и не было вскрыто и уничтожено немецко-румынскими оккупантами и их пособниками [5, л. 14–16].

Весной 1942 года активизируется подполье, создаваемое на основе агентуры органов госбезопасности Крыма. Основной задачей таких групп являлись диверсии и другие действия на коммуникациях. Для активных действий по коммуникациям противника в 1942 году было создано 26 диверсионных групп НКВД, каждая по 4–5 человек, из числа проверенных партизан, пограничников, а также работников НКВД. Вся диверсионная работа проводилась под руководством оперативно-чекистской группы НКВД Крымской АССР, находившейся в партизанской зоне. Эти группы базировались в большинстве своем в лесу вместе с партизанским отрядами, выходя оттуда на операции; по мере поставок минно-взрывных средств диверсии совершали и агенты на оккупированной территории. Например, в апреле – июле создано 5 диверсионных групп из местных жителей в следующих селах Крыма [16, с. 325–326]: Сарабуз – группа 7 человек, руководитель «Барский»; Васильевка Карасубазарского района – группа из 4 человек, руководитель «Назаров»; Бурнаш Сейтлерского района – группа из 13 человек, руководитель «Богатых»; Ситкень Сейтлерского района – группа из 5-ти человек, руководитель «Лысых»; поселок Таганаш Джанкойского района – группа из 7 человек, руководитель «Попов». Эти группы провели большую диверсионную работу. Например: Сарабузская группа в мае 1942 г. совершила одно крушение поезда и четыре раза разбирала железнодорожный путь, в результате чего произошло две аварии поездов противника. Таганашская группа взорвала один железнодорожный мост и трижды разбирала полотно, в результате чего произошла одна авария поезда. Ситкеньская группа уничтожила трех офицеров. Бурнашская группа взорвала железнодорожный мост, приостановив движение поездов Феодосия – Джанкой на двое суток. Васильевская группа вырезала около 10 км телефонно-телеграфного кабеля и взорвала один мост на шоссе на дороге Феодосия – Карасубазар. Помимо этого оперативно-чекистской группой созданы две небольших группы в г. Джанкое, одна из них имела 14 человек, другая 9 человек. Одна из групп в июне 1942 г. подожгла авторемонтные мастерские и уничтожила 2 цистерны с горючим, вторая группа подорвала военную пекарню в Джанкое и дважды разбирала железнодорожный путь. Таганашская группа из 8 человек в мае 1942 г. подожгла цистерну с нефтью.

По неполным данным, за апрель-июль 1942 г. диверсионными группами проделана следующая работа: совершено 5 крушений поездов противника, в результате уничтожено большое количество живой силы, техники и боеприпасов; взорвано 9 складов боеприпасов; разрушено 18 раз железнодорожное полотно, в результате имели место 13 аварий; подорвано 3 железнодорожных моста; подорвано 13 шоссе мостов; 9 мая 1942 г. разгромлен один из крупных штабов соединения 11-й армии – в момент налета в указанном штабе дивизии шло совещание офицеров, а в столовой – пьянка, в окна зданий было брошено несколько гранат, в результате было уничтожено 16 офицеров; вырезано в разных местах до 80 километров телефонно-телеграфного кабеля и спилено 137 телефонно-

телеграфных столбов; взорвана одна зенитная установка, а также две зенитные пулеметные точки; уничтожено 113 автомашин с войсками и грузами; истреблено до 1200 человек солдат и офицеров противника; 92 раза в разных местах минировались шоссе и грунтовые дороги, на которых подрывались машины и живая сила оккупантов; уничтожено 7 мотоциклов противника; захвачено 10 человек немцев и румын – «языков», из них 2 офицера [16, с. 324–325].

Таким образом, несмотря на упущения в предварительной подготовке и сложности становления подпольной деятельности в начальном периоде движения сопротивления, благодаря активной работе организаторов, находившихся непосредственно в партизанском лесу, крымское подполье стало действовать. В итоге оно превратилось в важный фактор борьбы с немецко-румынскими оккупантами и их пособниками.

Список использованных источников и литературы

1. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне. 1941-1945. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
Basov A. V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941-1945. – М.: Nauka, 1987. – 336 s.
2. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 16.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK). F. P-1. Op. 6. D. 16.
3. ГАРК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 17.
GARK. F. P-1. Op. 6. D. 17.
4. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 61.
GARK. F. P-156. Op. 1. D. 61.
5. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 63.
GARK. F. P-156. Op. 1. D. 63.
6. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 64.
GARK. F. P-156. Op. 1. D. 64.
7. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 85.
GARK. F. P-156. Op. 1. D. 85.
8. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 86.
GARK. F. P-156. Op. 1. D. 86.
9. ГАРК. Ф. П-8417. Оп. 1. Д. 21.
GARK. F. P-8417. Op. 1. D. 21.
10. Генов И. Г. Дневник партизана. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 280 с.
Genov I. G. Dnevnik partizana. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – 280 s.
11. Козлов И. А. В крымском подполье. Воспоминания. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1948. – 352 с.
Kozlov I. A. V krymskom podpol'e. Vospominaniya. – М.: Izdatel'stvo CK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1948. – 352 s.
12. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 / сост. В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова. – Симферополь: Таврия, 1994. – 208 с.
Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 / sost. V. K. Garagulya, I. P. Kondranov, L. P. Kravcova. – Simferopol': Tavriya, 1994. – 208 s.
13. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сборник / под ред. И. С. Чирвы. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 341 с.
Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. Sbornik / pod red. I. S. Chirvy. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – 341 s.
14. Очерки по истории Крымской областной парторганизации. – Симферополь: Таврия, 1981. – 375 с.
Ocherki po istorii Krymskoj oblastnoj partorganizacii. – Simferopol': Tavriya, 1981. – 375 s.
15. Пашеня В. Н. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.). 2-е изд. / В. Н. Пашеня, Е. В. Пашеня. – Симферополь: ДИАИПИ, 2014. – 414 с.

Pashchenya V.N. Krymskaya ASSR v gody II Mirovoj vojny (1939–1945 gg.). 2-e izd. / V. N. Pashchenya, E. V. Pashchenya. – Simferopol': DIAJPI, 2014. – 414 s.

16. Ткаченко С. Н. «По линии 4-го отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.) / С. Н. Ткаченко, С. А. Терехов, А. Ю. Бутовский. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 408 с.

Tkachenko S. N. «Po linii 4-go otdela...». CHEkisty v podpol'no-partizanskom dvizhenii Kryma (1941–1944 gg.) / S. N. Tkachenko, S. A. Terekhov, A. Y. Butovskij. – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. – 408 s.

17. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф.215. Оп.1185. Д.118.

Central'nyj arhiv Ministerstva Oborony RF (dalee – CAMO RF). F.215. Op.1185. D.118.

18. ЦАМО РФ. Ф.215. Оп.1185. Д.120.

CAMO RF. F.215. Op.1185. D.120.

19. Чуб М. И. Так было. Документальная повесть. – Симферополь: Таврия, 1980. – 163 с.

Chub M. I. Tak bylo. Dokumental'naya povest'. – Simferopol': Tavriya, 1980. – 163 s.

20. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941-1944 гг. – Симферополь: Крымиздат, 1959. – 159 с.

Shamko E. N. Partizanskoe dvizhenie v Krymu v 1941-1944 gg. – Simferopol': Krymizdat, 1959. – 159 s.

21. Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Выпуск 2-й. М.: Политиздат, 1970. – С.56-99.

Shamko E. N. Plamya nad Krymom // Geroi podpol'ya. O podpol'noj bor'be sovetских patriotov v tylu nemeцко-fashistskih zahvatchikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Vypusk 2-j. M.: Politizdat, 1970. – S. 56–99.

Tkachenko S. N. Formation of the Crimean underground at the End of 1941 – the First half of 1942

The underground struggle of the Soviet patriots during the years of the occupation of Crimea (1941–1944), despite a certain range of studies, is nevertheless extremely poorly studied by historians. A special place in this is the clarification of the process of formation and deployment of the underground in the initial period, complex relationships with the local population and various structures of partisans and state security bodies. This article discusses the main activities for the preparation of the underground struggle, the reasons for omissions and achievements, and, as a result, the deployment of underground activities only by mid-1942. Particularly noted is the connection between the underground and partisan intelligence, the activities of the undercover apparatus of the state security of Crimea. In general, despite the shortcomings indicated in the article, thanks to the focused activities of the organizers in the partisan forest, the Crimean underground in the first half of 1942 became an important component of the resistance movement on the peninsula.

Keywords: underground, groups, underground, Crimea, invaders, party bodies, state security, organization.